

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА  
— ТОМ 9 —  
НАСЛЕДИЕ СЕМИЦВЕТЬЯ

Ярослав Северцев

**Последний из рода. Том  
9. Наследие семицветья**

«Автор»

2026

## Северцев Я.

Последний из рода. Том 9. Наследие семицветья / Я. Северцев —  
«Автор», 2026

Эхо сокрушительного триумфа Когорты обреченных на Таймырском полигоне докатилось до самых закрытых кабинетов Санкт-Петербурга. Шестнадцатилетний князь Демид Димидов, официально признанный «пустоцвет», возвращается из ледяного полярного ада не беззащитным заложником Двора, а признанным героем Империи со знаком ордена Святого Георгия на серой шинели. Министерские капканы клана Карамзиных и Долгоруких лопнули один за другим. Наемники синдиката «Ледяной Оскал» навеки похоронены в заброшенных царских штольнях Заполярья, а их экономическая блокада обернулась крахом на столичной бирже благодаря тайному союзу Демида с Независимым Промышленным Синдикатом. За спиной молодого князя теперь стоит верное и сыгранное боевое братство: гениальный Архитектор Кристина Волкова, яростный маг сибирского пламени Алексей Морозов и Кузьма Попов с модернизированным вольфрамовым «Горном».

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

# Ярослав Северцев

## Последний из рода. Том 9. Наследие семицветья

### Глава 1. Осколки «Колосса»

**Полярная метель за бронированными бортами эшелона «Северный Колосс» была на одной звенящей, безумной ноте, словно пыталась содрать титановую обшивку с летящего на север состава. Но внутри хвостового полувагона технического обслуживания этот дикий рев природы мгновенно отступил перед пугающими звуками зарождающейся катастрофы.**

Стальная межвагонная дверь, покрытая толстым слоем искусственного, рунного льда, жалобно стонала под напором замораживающего плетения. Через деформационные швы потолка в узкий коридор змеиными, фосфоресцирующими струями вползала блекло-зеленая взвесь. Воздух мгновенно стал тяжелым, сладковатым и липким. «Черный Иней». Запрещенный боевой яд Якутского мертвого разлома, способный за несколько секунд превратить человеческие легкие и меридианы в ледяное крошево, стремительно заполнял замкнутое пространство купе.

Алексей Морозов подскочил на жесткой полке первым. Казак судорожно закашлялся, его лицо мгновенно покрылось мертвенной бледностью, а руки инстинктивно потянулись к прикладу штатного карабина. Кристина Волкова и Кузьма Попов проснулись мгновением позже — от удушья и дикого, режущего холода, сковавшего грудные клетки. Из их ядер маны вовне вырвались испуганные, хаотичные эманации силы, которые тут же начали вязнуть и замерзать в отравленной атмосфере.

— Демид!.. Воздух... — хрипло выдохнул Кузьма, сползая с полки на обледенелый паркет.

Демид Димидов стоял в самом центре узкого прохода. Серая шинель вольнослушателя распахнулась, обнажая полотняную рубаху, под тканью которой внезапно вспыхнула плотная, геометрически выверенная сеть светящихся линий. Кольцо сокрытия профессора Радзивилла на его пальце больше не могло сдерживать внутреннее пламя — маскировка была отброшена, ведь на кону стояли жизни его людей. Истинное Горнило внутри солнечного сплетения юноши совершило яростный, тяжелый оборот в обратную сторону.

— Ко мне! Все назад! — властно рявкнул Демид, и его голос, подержанный новой серебряной мощью Воздуха и Эфира, заставил стальные переборки вагона задрожать.

Юноша резко вытянул руки перед собой, широко расставив пальцы, на одном из которых тускло поблескивал вороненый перстень-концентратор Кристины. Внутри полувагона образовалась кратковременная, контролируемая зона абсолютного барометрического вакуума. Ядовито-зеленый туман «Черного Инея», уже готовый ворваться в купе, внезапно остановился, словно наткнулся на невидимую стену, а затем со свистом начал втягиваться в плотную, колышающуюся сферу прямо перед ладонями Демиды.

Юноша скрежетал teeth от нечеловеческого напряжения. Искусственные меридианы, выжженные в его костях, стонали от запредельного давления космического холода, транслируемого ядом. Внутренний воздушный контур, только вчера стабилизированный полярной переплавкой, вибрировал на частоте ломающегося стекла, но Демид держал удар мертвой хваткой правителя Урала.

— Алексей! Кокон огня вокруг девочек, быстро! — выдохнул он, чувствуя, как изо рта тянется тонкая струйка крови, мгновенно замерзающая на лету рубиновыми каплями.

Тобольский казак сориентировался за долю секунды. Отбросив бесполезный карабин, он прыгнул назад, раскинув мощные руки над Кристиной и Кузьмой. Из его грубого, закаленного на сибирских заставах ядра вырвалось яростное, темно-красное пламя второго ранга. Огненный щит Морозова плотно накрыл дальний угол купе, отсекая остатки ледяного пара, пробивающегося сквозь вакуумный заслон Демида.

Но столичные заказчики этого нападения предусмотрели и то, что уральский «пустоцвет» может оказаться сильнее министерских отчетов.

В самый критический момент, когда Демид удерживал смертоносную зеленую сферу в воздухе, тяжелое бронированное окно полувагона с оглушительным, сокрушительным звоном разлетелось на миллионы осколков. В проем вместе с клубами полярной метели, скрежеща стальными когтями по обшивке, ворвалось нечто страшное.

Это был не человек. В купе запрыгнуло колоссальное, трехметровое антропоморфное существо, полностью сотканное из векового ледникового гранита, тугоплавкого чугуна и грязно-бурой магии мертвых разломов. Боевой био-механический Голем-ликвидатор, созданный сумрачным гением артефакторов Карамзиных для зачистки уральской крови, глухо зарычал. Тяжелый резонанс его механизмов заставил пол вагона ходить ходуном. Его фосфоресцирующие зеленые глаза-кристаллы зафиксировались на фигуре Демида, а массивные каменные кулаки, утыканные острыми ледяными пиками, взметнулись вверх, готовые раздавить зажатых в углу лицестов.

— Кузьма! «Горн» на четверть мощности в правое колено этой твари! Степан, держи каркас вагона! — Демид не обернулся, его взгляд был прикован к чудовищу.

Попов-младший, преодолевая дикий, парализующий страх, судорожно выхватил из походной сумки модернизированный вольфрамовый резонатор. Пальцы парня скользнули по рунной панели, активируя усовершенствованные контуры проводимости, созданные Кристиной.

ФБЮ-У-У-И-И-СТ! — воздух в тамбуре тонко, ультразвуком полоснул по барабанным перепонкам.

Направленный, невидимый акустический импульс сокрушительной плотности ударил точно в сочленение чугуна и гранита на правой ноге Голема. Старый вольфрамовый волновод Кузьмы ювелирно поймал частоту внутреннего напряжения камня. Раздался сухой, звонкий хруст, и правая опора ликвидатора покрылась глубокой сеткой трещин, заставив исполина качнуться и промахнуться — его тяжелый кулак с мясом вырвал верхнюю полку, раздробив деревянный каркас в щепки.

Демид использовал эту секунду. Левой рукой он сделал резкий, центробежный пас в сторону разбитого окна, буквально вытолкнув сжатую сферу «Черного Инея» наружу, в бушующую тундру. Зеленая вспышка яда, смешавшись с метелью, на мгновение осветила летящие под насыпью вековые ели. Вакуумный контур разомкнулся, и Демид, почувствовав, как в его Горнило возвращается свобода маневра, сделал стремительный, невесомый шаг вперед.

Новый серебряный вихрь Эфира даровал его движениям такую скорость, которая была недоступна обычным магам. Для Голема Карамзиных он на долю секунды превратился в размытый серый силуэт. Демид ушел с траектории повторного удара левой руки чудовища, скользя под его массивное чугунное плечо.

— Ну что, столичные твари... — леденящим, нечеловеческим шепотом произнес Демид Димидов, и его Истинное Горнило выдало максимальный, сокрушительный импульс магии земли и огня напрямую в его собственные руки. — Посмотрим, чей гранит крепче.

Юноша не стал творить дистанционных заклинаний — в тесном пространстве купе это погубило бы его гвардию. Он действовал через чистую физическую плотность перестроенного тела. Его правая ладонь, окутавшись багрово-золотым маревом уральского источника, мерт-

вой хваткой вцепилась в броневую лист на груди Голема, где под слоями заколдованной стали билось рунное ядро ликвидатора.

Металл под его пальцами с тихим, страшным шипением начал плавиться и деформироваться. Голем яростно задергался, пытаясь достать дерзкого подростка ледяными шипами свободной руки, но Алексей Морозов с диким казачьим ревом уже обрушил на голову твари концентрированный огненный поток, временно ослепляя кристаллические рецепторы монстра.

Демид уперся сапогами в стальные швеллеры пола. Его мышцы и выжженные в костях меридианы натянулись до предела, причиняя дикую, выжигающую боль. Ломая сопротивление противовзломных рун Карамзиных, юноша с силой рванул руку на себя.

**ХРУСТ. СКРЕЖЕТ.**

Бронированная грудная пластина био-механического чудовища была вырвана с мясом. Демид вонзил пальцы глубже, перехватил пульсирующий ядовито-зеленым светом обсидиановый накопитель Голема и одним коротким, вращательным движением оборвал медные и рунные тяги управления.

Свет в глазах-кристаллах ликвидатора мгновенно погас. Колоссальная туша из гранита и чугуна, потеряв энергоподпитку, тяжело, сокрушительно завалилась набок, выбивая остатки дверей купе и замирая мертвым, ржавым хламом посреди разгромленного тамбура технического вагона.

Демид медленно разжал пальцы, позволяя трофейному ядру Голема упасть на паркет. Его Истинное Горнило плавно замедлило свой безумный бег, возвращаясь под защиту кольца Радзивилла, которое юноша судорожно защелкнул на пальце. Фиолетово-серебряное сияние в его глазах угасло, сменившись привычной карей глубиной. Юноша тяжело дышал, его руки дрожали от перенапряжения, а обмороженные предплечья ныли от остаточного воздействия «Черного Инея». Но взгляд его оставался холодным и непоколебимым.

Эшелон «Северный Колосс», монотонно и тяжело отстукивая версты по обледенелым рельсам, продолжал уносить Когорту обреченных во тьму полярной ночи, к ледяным фортам Таймыра. Первая открытая атака министерского клана была сокрушительно отбита, но Демид, глядя на разрушения в вагоне, понимал: в Заполярье их ждет не учебная практика, а полноценная, беспощадная война на уничтожение.

## **Глава 2. Следы на обшивке**

**Резкий, пронзительный гудок локомотива прорезал морозную дымку, когда эшелон «Северный Колосс» наконец замер у терминала полярной заставы «Таймыр-Выезд». Многотонный состав содрогнулся, пустив по стальным звеньям вагонов тяжелую волну, и со стоном выдохнул в обледенелый воздух густые облака зачарованного пара. За окнами, насколько хватало глаз, простиралась бескрайняя, суровая тундра, укрытая плотным саваном серого наста, над которым в хмуром небе лениво перебирали лопастями стабилизаторов патрульные дирижабли полярного корпуса Его Величества.**

Хвостовой вагон технического обслуживания, превращенный ночной схваткой в руины, остывал стремительно. Сквозь выбитое бронированное окно купе полярный ветер беспрепятственно швырял пригоршни колючей крупы, намывая на искореженном паркете ровные белые сугробы.

Кузьма Попов, закутавшись в две шинели сразу, сидел на обломках нижней полки и судорожно пытался согреть дыханием пальцы, которыми все еще сжимал раструб своего вольфрамового «Горна». Каждое движение парня сопровождалось тихим зубовым перестуком, напоминавшим работу неисправного реле.

— Демид, — простуженно просипел внук великого акустика, косясь на застывшую в тамбуре циклопическую тушу поверженного Голема. — Если нас сейчас... это самое... обыщут, как мы объясним коменданту наличие трех тонн бесхозного карамзинского лома в ведомственном составе? Скажем, что это деталь отопительной системы отвалилась?

— Успокойся, Кузьма, — ровно, со свинцовой прохладой отозвался Демид, не оборачиваясь от окна.

Юноша стоял безупречно прямо, застегнутый на все пуговицы серого мундира вольнослушателя. Его Истинное Горнило внутри солнечного сплетения уже вернулось в режим глубокой консервации под защитой кольца Радзивилла, но обмороженные предплечья под сукном рукавов по-прежнему ныли тупой, изматывающей болью. Космический холод «Черного Инея» оставил на его искусственных меридианах тонкие энергетические «ожоги», которые Демид медленно, капля за каплей, выжигал остаточным теплом магии огня.

Кристина Волкова, сидевшая на соседней полке с открытым инженерным блокнотом, хладнокровно зафиксировала финальные показатели проводимости титанового кольца Демида:

— Фон чист, командир. Радары базы зафиксируют у тебя идеальный ноль. Но маскировать повреждения обшивки вагона придется физически. Ложные руны, которые я нанесла на раму окна, продержатся не более десяти минут после начала официального осмотра.

Тяжелая, со скрежетом уцелевших затворов, входная дверь вагона со стороны перрона распахнулась. В узкий коридор ворвался яростный поток полярного воздуха, а вслед за ним, чеканя шаг тяжелыми кованными сапогами, вошли трое.

Возглавлял комиссию сам полковник Левашов. Куратор курса был одет в глухую гвардейскую шинель с высоким каракулевым воротником, а его суровое, шрамированное лицо в тусклом свете неоновых ламп терминала казалось высеченным из темного зауральского гранита. За его спиной монолитами застыли двое дежурных гвардейцев заставы с тяжелыми рунными карабинами наперевес.

Левашов остановился на пороге разгромленного купе, заложив руки за портупю. Его жесткая, звенящая аура мага металла первого ранга мгновенно заполнила тесное пространство вагона, начав давить на плечи лицеистов сокрушительным весом. Полковник медленно, не мигая, обвел взглядом выбитое окно, искореженные швеллеры пола и, наконец, зафиксировал взор на гряде гранита и чугуна в тамбуре.

— Итак, — голос куратора прозвучал как хруст перелаamyваемых ружейных стволов. — Триста двенадцатая комната в полном составе. Не успели мы пересечь Полярный круг, а техническая служба эшелона уже докладывает мне о кратковременном квантовом вакууме в хвостовом секторе и падении давления в тормозной магистрали. Князь Димидов, я жду ваших... слесарных объяснений. Надеюсь, в этот раз обошлось без лунатизма?

Демид прямо встретил леденящий взгляд полковника. На его лице не дрогнул ни один мускул, а голос прозвучал ровно, с идеальными нотками великокняжеской сдержанности.

— Господин полковник, — Демид коротко наклонил голову. — На перегоне между Котласом и Обдорском наш вагон попал под воздействие аномального полярного заноса повышенной плотности. По всей видимости, встречный поток обледенелого наста вызвал тепловой шок обшивки. Дренажная система и старые латунные затворы девятнадцатого века просто не выдержали давления и лопнули со стороны тамбура.

— Аномальный занос? — Левашов ухмыльнулся, и шрам на его щеке зловеще дернулся.

Он сделал два шага вперед, приблизился к застывшей туше Голема и с силой ударил носком тяжелого сапога по вырванной бронеовой пластине ликвидатора. Металл отозвался глухим, тяжелым звоном.

— А эта каменная горгулья, надо полагать, влетела в ваше окно вместе со снежинками, княжич? Прилетела погреться из Якутского разлома? — полковник навис над Демидом, его глаза-ищейки буравили юношу насквозь. — На этой броне выжжены контуры боевой мануфактуры клана Карамзиных. Я командовал артефактными корпусами пятнадцать лет, Димидов. И я кожей чувствую, когда столичные щенки пытаются держать меня за идиота. Этот Големик шел на ликвидацию вашей когорты. И судя по характеру повреждений, его грудную клетку вскрыли физически, вырвав ядро с корнем. Кто это сделал? Попов со своей латунной погребушкой? Или казак Морозов кулаками гранит колот?

Тобольский казак Алексей Морозов, застывший у стены, прижал руку к груди и глухо кашлянул:

— Так точно, господин полковник... На заставах нас учили: если гранит мешает движению состава — бей в сочленение. Мы с парнями просто... поднажали ломом из технического комплекта. Рычаг — великое дело, как в учебнике стратегии написано.

Левашов медленно повернулся к Кристине Волковой, которая продолжала педантично делать записи в блокноте:

— Воспитанница Волкова. Ваша пространственная магия фиксировала энергетический всплеск во время этого... «рычажного» процесса?

— Никаких аномалий выше базового бытового фона, господин куратор, — прохладно, сочной светской интонацией инженера ответила Кристина, приподняв зеленые глаза. — Обычное механическое сопряжение сред. Прибор Попова выдал стандартный акустический импульс для проверки эха, после чего заклинивший затвор Голема поддался физическому весу. Мы зафиксировали все параметры в архивном свитке для ведомственной отчетности.

Полковник Левашов долго, в абсолютной, звенящей тишине остывающего вагона разглядывал лица подростков. Его ментальное сканирование мага металла скользило по их фигурам, но тройной контур Истинного Горнила Демиды под защитой серебряного Эфира теперь работал как идеальное зеркало — полковник наткнулся лишь на глухую, естественную пустоту «пустоцвета» и легкий, контролируемый страх замерзших студентов. Линия обороны, выстроенная ночью, держалась намертво. Юридически докопаться было не к чему — улик, связывающих Демиды с активным использованием высшей магии, автомата эшелона не выдала.

Куратор хмуро подошел к разбитому окну, взял с подоконника горсть талого снега, растер его между пальцами и внезапно замер. На его кожаной перчатке остался едва заметный, блекло-зеленый след, который тут же испустил тонкий, сладковатый дымок.

«Черный Иней».

Левашов мгновенно подобрался, его суровые глаза сузились до предела. Он узнал этот след. Куратор курса понял, что министерский клан Карамзиных в своей мстительности окончательно переступил черту, пойдя на открытое использование запрещенного боевого яда прямо в ведомственном поезде Лицея. И то, что эти пятеро серых вольнослушателей умудрились выжить в запертом пространстве после газовой атаки и уничтожить элитного Голема-ликвидатора без использования официально зарегистрированной маны, делало уральского «пустоцвета» в его глазах пугающей, запредельной загадкой.

— Слизняки... — наконец глухо выдохнул Левашов, отряхивая перчатку и поворачиваясь к гвардейцам. — Лунатики, слесари и мастера рычагов. Великие фамилии прошлого превратились в ремонтную бригаду. На первый раз, князь Димидов, я внесу в протокол версию о «технической аварии и столкновении с неопознанным полярным объектом». Исключительно ради памяти твоего отца Кирилла Святославича, который бы очень не хотел, чтобы его единственный сын вылетел из Лицея до начала маневров за сокрытие деталей происшествия.

Полковник резко развернулся к выходу из вагона:

— Гвардейцы, оцепить тамбур. Этот карамзинский металлолом изъять в распоряжение комендатуры заставы на вечернюю утилизацию. Когорте Димидова — собрать личные вещи. Через десять минут общая выгрузка на перрон. Вас ждет распределение по полярным блиндажам базы «Форт-Николай». И молитесь, чтобы в тундре ваши ломы и слесарные шпильки работали так же эффективно, как в этом вагоне. Марш на платформу.

Когда тяжелая стальная дверь за комиссией закрылась, Кузьма Попов наконец выдохнул, шумно уронив резонатор на полку:

— Господи... Демид, у меня чуть сердце через уши не выпрыгнуло. Он ведь заметил зеленую дрянь на окне! Почему он нас не свинтил?

Демид медленно достал из кармана шинели отцовский серебряный стилет, аккуратно очистил лезвие от налета изморози и спрятал его обратно. В его карих глазах на долю секунды отразился багрово-золотой отсвет уральского гранита.

— Потому что Левашов — в первую очередь боевой офицер, Кузьма, — тихо, со свинцовой жесткостью произнес Демид. — Он понял, что министерские чиновники Карамзиных устроили мокруху у него за спиной, на его личном поезде. Для его армейской гордости это прямая пощечина от питерских бюрократов. Он перенес игру в тундру. Карамзины будут ждать отчетов о нашей смерти, но вместо этого они умоются собственной кровью на полярных полигонах. Собираем вещи, господа. Наш Таймырский триумф начинается прямо сейчас.

### Глава 3. Дирижабли над тундрой

**Выгрузка на перроне заставы «Таймыр-Выезд» напоминала развертывание регулярного армейского корпуса перед затяжным приграничным сражением. На фоне серого полярного неба, укутанного морозной дымкой, высились монументальные конструкции терминала — циклопические обогревательные башни из черного зачарованного чугуна. Их массивные решетки, опутанные светящейся вязью рун огня, работали на тяжелых накопительных артефактах Демидовых, с глухим, утробным рокотом изрыгая во все стороны потоки раскаленного воздуха. Этот искусственный жар вступал в яростную схватку со столетней стужей Заполярья, отчего над платформой непрерывно клубился плотный, пропитанный озоном и гарью белый пар.**

Столичная золотая молодежь в безупречных синих мундирах магов боевых кругов покидала вагоны эшелона «Северный Колосс» вальяжно, с надменными светскими улыбками. Слуги-артефакторы в форменных серых куртках лихорадочно выкатывали из багажных отсеков их личные вещи: дорогие кожаные сундуки с министерскими клеймами, ящики с калиброванными накопительными кристаллами и элитные рунные винтовки, чья полированная сталь хищно поблескивала в лучах неоновых прожекторов терминала.

Появление Когорты обреченных на перроне заставило притихнуть ближайшие коробки первокурсников. Пятеро юношей и девушка в строгих, застегнутых на все пуговицы серых шинелях вольнослушателей двигались ровным, лаконичным строем. Их одежда, местами подпаленная огнем Морозова и иссеченная острыми осколками разбитого стекла, хранила явственные следы ночной схватки в хвосте состава. Но лица их казались высеченными из полярного льда — ни паники, ни тени усталости.

— Глядите, уральские слесари все-таки доехали, — негромко, но с ядовитой ухмылкой бросил Долгорукий-младший, стоявший в окружении своей свиты у центрального перехода. — Мундиры-то подрастеряли по дороге. Видать, ломками рельсы чистили.

Тобольский казак Алексей Морозов инстинктивно повел широким плечом, его кулак в тяжелой кожаной рукавице сжался до хруста, а внутри груди глухо, опасно заворочалось темно-красное сибирское пламя. Однако Демид Димидов едва заметным движением ладони осадил соратника.

— Не трать ману на лай дворовых щенков, Алексей, — тихо, со свинцовой прохладой произнес Демид, глядя строго перед собой. — Скоро тундра всё расставит по местам.

Над терминалом раздался протяжный, вибрирующий гул артефактного сирена-резонатора. Из клубов пара, величественно раздвигая свинцовые полярные облака, к погрузочным рампам начали медленно опускаться три колоссальных транспортных дирижабля полярного корпуса Его Величества. Их титановые кили, покрытые инеем и сложнейшей вязью левитационных рун, мерцали глубоким фиолетовым светом. Огромные гондолы, защищенные тяжелыми броневыми листами, глухо вибрировали — лопасти стабилизаторов перемалывали морозный воздух, удерживая многотонные воздушные корабли над перроном с хирургической точностью.

Переброска лицеистов в базовый лагерь «Форт-Николай» заняла не более получаса. Внутри огромного, пропахшего машинным маслом и сукном десантного отсека дирижабля столичная элита поспешила занять центральные места, поближе к латунным решеткам обогревательных воздухопроводов. Когорту Демида демонстративно оттеснили к самой корме — к неотапливаемому техническому люку, откуда сквозь щели уплотнителей веяло леденящим дыханием Заполярья.

Демид сидел на жесткой железной скамье, откинувшись спиной на вибрирующий борт гондолы. Его вороненое кольцо-накопитель на правой руке, скрытое под суконной перчаткой, лениво и абсолютно незаметно для внешних сканеров всасывало в себя остаточные токи Эфира из мощной силовой сети самого дирижабля. Истинное Горнило внутри его солнечного сплетения сыто и мерно ворочалось, распределяя поглощенную энергию по серебряным спиральям воздушного контура.

— База по курсу! Приготовиться к выгрузке! — рявкнул по внутренней связи пилот-гвардеец.

Сквозь бронестекло иллюминатора открылся циклопический вид на базовый лагерь «Форт-Николай». Это было настоящее дизельпанковское чудо, возведенное среди вечной мерзлоты Таймыра. Огромный пятиугольный замок, обнесенный высокими гранитными стенами с вкраплениями подавляющих обсидиановых плит, был буквально опутан сетью металлических эстакад и паровых трубопроводов. В центре цитадели высилась циклопическая тридцатиметровая обогревательная башня — Главное Горно, чье багровое зарево магии огня высшего круга разгоняло полярную тьму на версты вокруг. В небе над фортом, выстроившись в идеальный боевой ордер, застыли дозорные крейсера, их прожекторы непрерывно сканировали белую пустыню тундры.

Выгрузка происходила в условиях жесточайшей армейской дисциплины. Полковник Левашов, стоя на центральной эстакаде форта под завывания разыгрывающейся метели, лично распределял когорты по жилым секторам.

Михаил Карамзин и Долгорукие, сияя серебряным шитьем синих мундиров, получили ордера на размещение в первом, элитном офицерском корпусе, защищенном тройным контуром обогрева и оборудованном индивидуальными тренировочными залами. Их свита победно переглядывалась, бросая торжествующие взгляды на уралыцев.

Когда очередь дошла до конца строя, Левашов хмуро развернул архивный свиток, и его леденящий взгляд мага металла зафиксировался на Демиде:

— Когорта вольнослушателя Димидова. Сектор сорок два. Окраина восточного периметра. Ваше расположение — рунный блиндаж номер восемь. Отопительный контур переве-

ден на автономный режим снабжения. Условия приближены к боевым, князь. Располагайтесь и приступайте к чистке инвентаря. Маневры не будут ждать, пока вы согреетесь.

Жилой сектор сорок два встретил Когорту обреченных зловещим, свистящим воем ветра. Блиндаж номер восемь представлял собой полуподземный бункер, выстроенный из грубого полярного гранита и обшитый изнутри потемневшими от сырости стальными листами. Когда Кузьма Попов толкнул тяжелую железную дверь, из темного проема на них повеяло таким могильным, пронзительным холодом, что у парня мгновенно перехватило дыхание, а резонатор в кармане издал жалобный, фальшивый писк.

— Святые угодники... — простуженно прошептал Кузьма, переступая порог и вглядываясь в покрытые толстым слоем инея гранитные стены. — Да тут холоднее, чем в заброшенном карцере Лицея. Они нас решили просто заморозить до начала стрельб, чтобы сэкономить на карамзинском яде!

Демид вошел последним, с глухим, отсекающим полярную бурю стуком закрыв за собой железную дверь. Он спокойно опустил свой кожаный саквояж на покрытый изморозью деревянный стол в центре комнаты и медленно снял перчатки.

В его карих глазах на долю секунды, пробив все уровни маскировки, глубоко и страшно полыхнул трехцветный фиолетово-серебряный огонь Истинного Горнила. Столичные министры и кураторы Лицея думали, что загнали уральского «ягненка» в ледяную могилу на окраине форта. Они не понимали, что этот заброшенный, продуваемый всеми ветрами гранитный бункер только что стал идеальной, скрытой от любых министерских ищек лабораторией, где Когорта обреченных начнет ковать свой собственный, разрушительный тактический плацдарм для грядущей полярной войны.

#### Глава 4. Пространственный щит Кристины

**Таймырская стужа, пробравшаяся сквозь проржавевшие сопряжения гранитных блоков, заполняла полуподземный бункер номер восемь осязаемым, сизым маревом. Изнутри стены жилого каземата были обшиты тяжелыми стальными листами, которые от критического перепада температур покрылись колючими кристаллами инея, напоминавшими наконечники стрел.**

Степан Лисицын, глухо чертыхаясь, швырнул свой походный мешок на обледелый топчан. Казак прижал ладонь к массивному чугунному распределителю отопления, вмонтированному в стену, и его лицо мгновенно вытянулось. Его бытовой дар магии земли позволял кожей ощущать внутреннюю структуру камня и металла, и то, что он почувствовал внутри труб, не предвещало ничего хорошего.

— Ваше Сиятельство, тут не просто вентиль заклинило, — хмуро пробасил Степан, оборачиваясь к Демиду. — Внутри главного теплообменника направляющие рунные каналы словно зубилом искромсали. Интенданты Карамзина постарались на совесть. Латунные сердечники, которые должны ловить тепловой эфир от центрального Горна базы, выдраны с мясом. Сюда тепло физически не дойдет. Нас оставили в мертвой зоне. Через четыре часа тут будет ровно столько же градусов, сколько снаружи, в открытой тундре. А полярный наст сейчас режет сталь, как бритва.

Кузьма Попов, сидевший на корточках в углу, судорожно прижимал к груди свой «Горн», со страхом глядя на мерцающие фиолетовые бляхи лагерных патрульных радаров, чьи лучи изредка мазали по матовым стеклам узкого бойничного окна.

— Если мы вызовем дежурного ремонтника или доложим Левашову, нас обвинят в порче казенного инвентаря до начала стрельб, — посиневшими губами пролепетал Кузьма. — Скажут, что уральские бездари сломали министерский обогреватель своими слесарными шпильками. Это же идеальная юридическая петля.

Кристина Волкова молча скинула тяжелую серую шинель, оставшись в строгом суконном платье инженера-артефактора. На её узких запястьях тускло блеснули серебряные браслеты-резонаторы пространственного структурирования. Девушка подошла к разрушенному тепловому узлу, опустилась на колени и извлекла из походной сумки тонкий латунный шуп с изумрудным кристаллом на конце.

Её зеленые глаза зажглись ровным, фанатичным блеском исследователя. Активировав свой редкий дар, Кристина направила ментальный взор сквозь чугунную обшивку распределителя. Проекционная пространственная матрица, выведенная её разумом, соткалась в воздухе над верстаком в виде сложного трехмерного чертежа из тончайших светящихся нитей.

— Повреждения критические, Демид, — Кристина подняла голову, и её взгляд встретился с холодным взором молодого князя. — Графическая вязка рун огня полностью уничтожена. Чтобы восстановить этот узел стандартными методами, мне нужен тяжелый плазменный тигель Лицея и тридцать граммов очищенной латуни. Но у нас нет ни того, ни другого. Единственный способ заставить эту систему работать — пустить энергию напрямую в обход разрушенных латунных сердечников. Нам нужен постоянный, автономный источник тепла.

— Я стану этим источником, — ровно, со свинцовой прохладой произнес Демид.

Юноша подошел к верстаку, неторопливо снял суконный мундир и аккуратно сложил его на край стола. Под тонкой полотняной рубашкой его атлетическое тело, перестроенное адской болью Истинного Горнила, казалось монолитом. На его правой руке вороненое кольцо-концентратор, созданное Кристиной в подвалах Санкт-Петербурга, отозвалось коротким, леденящим импульсом, приветствуя волю хозяина.

Демид сел на холодный каменный пол прямо перед распределителем тепла, скрестив турецки ноги. Его карие глаза закрылись, и юноша обратился во внутреннее пространство своего существа.

Истинное Горнило внутри солнечного сплетения послушно отозвалось на ментальный приказ. Багрово-золотая магия уральского источника, тяжелая и плотная, как расплавленный гранит, рванулась по его искусственным меридианам, выжженным внутри костных структур и мышечных волокон. Это была первозданная, дикая сила огня и земли, которую Демид бережно хранил в глубинах своего ядра.

Юноша протянул руки вперед и крепко сжал ладонями ледяные чугунные трубы коллектора.

В ту же секунду чугун жалобно, высокочастотно зазвенел. Из пальцев Демиды напрямую в кристаллическую решетку металла непрерывным, яростным потоком хлынула концентрированная энергия уральского источника. Тяжелые багрово-золотые токи начали стремительно заполнять ржавые пустоты труб, заменяя собой отсутствующие латунные сердечники. Рунная вязь на обшивке распределителя, доселе мертвая и серая, испуганно мигнула и налилась ровным, глубоким малиновым свечением. Трубы внутри блиндажа со стоном начали оттаивать, и по каземату поползли первые струи спасительного тепла.

Но плата за этот автономный овердрайв оказалась колоссальной.

Демид не просто сотворил заклинание — он превратил собственную плоть и кости в живой энергопроводник, работающий без каких-либо кристаллов-посредников. У него не было природного магического щита, который защищал бы органы изнутри. Вся ярость укрощенного пламени Сибири и тяжесть уральской земли сейчас транслировались напрямую через его нервную систему.

Спустя пятнадцать минут непрерывной подпитки лицо Демиды утратило всякие краски, став белее инея на стенах. Его дыхание стало поверхностным, прерывистым, а из носа на полотно рубахи закапала темная, густая кровь. Его искусственные меридианы, еще не до конца окрепшие после полярной переплавки «Звездного Эфира», стонали под запредельным давлением энергии. Горнило внутри солнечного сплетения вращалось с безумной скоростью, выса-

сывая из Демида последние жизненные соки, чтобы просто удержать тепловой баланс бункера. Юноша испытывал такую дикую, выжигающую боль, словно его кости изнутри перемалывали тяжелыми шестеренками трансконтинентального локомотива. Его трясло от крупной, холодной дрожи магического истощения.

— Кристина... — хрипло, сорвавшимся на шепот голосом произнес Демид, не разжимая пальцев на трубах. — Долгорукие... Их сканеры на базе... Они поймут эту частоту. Закрывай контур.

Девушка действовала мгновенно, без лишних слов. Она понимала, что если внешние магические радары «Форта-Николай» зафиксируют багрово-золотой всплеск уральской силы такой плотности на окраине периметра, полковник Левашов и Тайная канцелярия будут здесь через пять минут. Маскировка Демида будет полностью уничтожена.

Кристина вытянула руки над головой Демида, её серебряные браслеты на запястьях зазвенели с частотой ломающейся стали. Зеленый огонь в её глазах вспыхнул с силой фанатичного Архитектора. Используя свой дар пространственного структурирования и ментальную матрицу профессора Радзивилла, она начала кропотливо выстраивать вокруг фигуры Демида и теплового коллектора Ментальный лабиринт ложных отражений.

Её магия не пыталась подавить или затухнуть уральский огонь — это было физически невозможно для её слабого ядра. Кристина действовала тоньше: она создавала невидимые, геометрически безупречные пространственные слои и зеркальные фракталы из магии Воздуха и Эфира, которые Демид по капле выпускал из своего вороненого перстня. Этот воздушный туман ложных мыслей и частот плотно, без единого зазора накрыл раскаленный чугунный узел.

Для внешних лагерных сканеров ищек Левашова багрово-золотой пожар Истинного Горнила внутри бункера теперь казался самой обычной, хаотичной природной аномалией — слабым, затухающим эхом тепла от центральной башни базы, которое чудом пробилося сквозь гранитные блоки. Пространственный щит Кристины ювелирно размывал контуры реальной мощности, превращая её в глазах автоматики в ровный, безвредный ноль.

Демид сделал глубокий, хриплый вдох. Благодаря пространственной изоляции Кристины, нагрузка на его меридианы слегка снизилась. Внутренний воздушный контур Горнила плавно адаптировался под новую геометрическую матрицу, стабилизируя подачу энергии. Температура в блиндаже номер восемь окончательно зафиксировалась на отметке в двадцать градусов тепла. Иней на стальных листах обшивки плавно превращался в прозрачные капли воды, стекающие на пол.

Юноша медленно, с трудом отнял онемевшие, покрытые черной окалиной пальцы от чугунных труб. Его тело было полностью опустошено, перед глазами плыли тяжелые черные круги, а силы покинули мышцы. Демид бессильно откинулся спиной на гранитную стену, тяжело дыша.

Кристина Волкова опустилась на колени рядом с ним, её лицо было бледным от ментального перенапряжения, а руки заметно дрожали после удержания пространственного щита. Она бережно достала шелковый платок и аккуратно промокнула кровь под носом молодого князя. В её зеленых глазах, вопреки усталости, горел фанатичный, преданный блеск Главного Архитектора, который только что вместе со своим лидером переписал законы термодинамики под носом у всей столичной академии.

— Контур стабилизирован, Демид, — тихо, сочной инженерной интонацией прошептала она. — Сканеры базы слепы. Мы выдержали этот раунд. Твой воздух и пространственные фракталы слились в идеальный заслон.

Демид едва заметно, хищно ухмыльнулся, преодолевая дикую слабость. Он медленно поднял правую руку, на которой вороненое кольцо-концентратор сыто и тихо угасло. Костяк его тайной гвардии только что прошел еще одно, сложнейшее испытание на верность и тактическую синергию в экстремальных условиях Заполярья. Они превратили ледяной капкан

Карамзинских интендантов в свой собственный, недостижимый для врагов плацдарм, и теперь Когорта обреченных была готова к долгой, планомерной и беспощадной войне на бескрайних просторах Таймыра.

## Глава 5. Казачья гордость

**К полудню Таймырская тундра ненадолго притихла, словно собирая силы перед новым штормом. Морозное марево висело над заснеженными плацами базы «Форт-Николай», превращая циклопические эстакады и бронированные корпуса в угловатые очертания призраков. Багровое зарево от Главного Горна в центре цитадели бросало длинные, тревожные тени на ровные коробки лицейцев, выстроившихся перед центральным продовольственным блоком.**

Демид Димидов шел во главе своей когорты, размеренно и твердо чеканя шаг по обледенелым бетонным плитам. После ночной энергоподпитки отопительного коллектора его Истинное Горнило все еще находилось в состоянии глубокого истощения. Юноша физически ощущал пустоту внутри солнечного сплетения, а искусственные меридианы в костях отзывались глухим, ноющим зудом. Кольцо сокрытия профессора Радзивилла на пальце послушно удерживало его внешнюю ауру в состоянии абсолютного, безжизненного нуля, делая его идеальным призраком для лагерных радаров.

Алексей Морозов, Кристина и Кузьма двигались следом. Кузьма, отогревшись в стабилизированном бункере, теперь крутил головой с удвоенной энергией, а тобольский казак хмуро разглядывал столичных гвардейцев, чьи синие мундиры сверкали серебряным шитьем у входа в лагерную трапезную.

Конфликт вспыхнул прямо у раздаточных капониров, где интенданты полярного корпуса выдавали суточные рационы снабжения.

— Полегче на поворотах, тобольская деревенщина, — надменный, процеженный сквозь зубы голос Корнея Долгорукого заставил Кузьму испуганно пискнуть и вжать голову в плечи.

Кузен поверженного барона стоял в окружении четверых старшекурсников боевых кругов магии льда и воздуха. На его холеном лице все еще виднелись следы ночных мазей после недавней встречи с казачьими кулаками Морозова в питерском парке, но присутствие лагерной охраны возвращало ему столичный апломб. Корней демонстративно наступил лакированным сапогом на брезентовый мешок с сухарями и мороженым мясом, который интендант только что выставил для восьмого блиндажа.

— Для вольнослушателей и серых отбросов сегодня спецдиета, — оскалился один из подручных Долгорукого, лениво выпуская из пальцев струю ледяного пара. — На полярном воздухе пустоцветам полезно поголодать, чтобы мана в жилах не застаивалась. Ах, я забыл, у вас же её нет вовсе!

Алексей Морозов медленно опустил пустой деревянный ящик на булыжники мостовой. Его серые очи сузились, превратившись в две ледяные щелки, а широкие плечи под сукном шинели натянулись струной. Внутри его груди яростно, со скрежетом турбины заклокотало темно-красное сибирское пламя. Казак сделал шаг вперед, и воздух вокруг его фигуры ощутимо потеплел, заставив снег на его воротнике мгновенно превратиться в сырые капли.

— Долгорукий, — негромко, с опасной казачьей хрипотцой, от которой лагерные псы у заборов инстинктивно прижали уши, произнес Алексей. — Убери копыто с нашего пайка. На заставах за такие шутки мы быстро из барчуков чучела делаем.

— Морозов, отставить магию, — сухой, сочной свинцовой интонацией оборвал его Демид, положив руку на плечо казака.

Прикосновение командира было холодным и твердым, как уральский гранит. Демид понимал: Внутренний Устав Лицея на Таймырском полигоне карал за любое несанкциониро-

ванное использование боевых плетений вне тренировочных зон немедленным исключением и трибуналом, независимо от знатности рода. Карамзины и Долгорукие умышленно провоцировали Морозова на выплеск пламени, чтобы убрать сильнейшего боевика Демида из симуляции еще до начала официальных маневров.

— Но, Ваше Сиятельство... — Алексей яростно обернулся, его каналы горели от сдерживаемой перегрузки.

— Я сказал — отставить ману, — Демид прямо посмотрел в глаза казаку, и фиолетово-серебряный отсвет Истинного Горнила на долю секунды мазнул по его зрачкам. — Мы решим этот вопрос по законам старой гвардии Тобольского полка. Чистая физика.

Демид неторопливо повернулся к куче тяжелых, обледенелых листовенничных поленьев, которые лагерные слуги заготовили для кухонных печей. Юноша легко подхватил одно из массивных бревен весом без малого в пуд и небрежно бросил его под ноги Алексею Морозову.

— Алексей. На заставах ведь учат колоть дрова без использования артефактов? На скорость, — Демид едва заметно, хищно улыбнулся правителем Урала.

Тобольский казак мгновенно поймал тактический замысел командира. Его яростный оскал вернулся на место, а темно-красный огонь внутри ядра послушно угас, уступая место дремучей, первозданной физической силе сибирского самородка. Казак перехватил обледенелое полено голыми руками, словно это была легкая латунная трость Кузьмы.

— Сделаем в лучшем виде, командир! — рявкнул Алексей.

Он сделал стремительный шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. Долгорукий даже не успел среагировать и вскинуть руку для ледяного удара, как Морозов с размаху, с утробным казачьим выдохом обрушил тяжелое мерзлое полено прямо на бронированный капонир раздачи, пронеся его в волоске от холеного носа Корня.

БА-А-А-МММ! — чугунный косяк раздаточного окна от страшного физического удара жалобно звякнул и деформировался, а само листовенничное бревно от колоссального давления со скрежетом разлетелось на сотни острых, тяжелых щепок шириной в палец.

Этот веер деревянных осколков, обладавших кинетической энергией хорошего фугасного снаряда, веером ударил по столичным фаворитам. Корней Долгорукий, охнув от неожиданности, потерял концентрацию, споткнулся о собственный мешок и кубарем полетел спиной прямо в глубокий, грязный сугроб у помойного чана, задрав лакированные сапоги вверх. Двое его лазутчиков, получив тяжелыми морожеными щепками по физиономиям, со стоном повалились следом, зажимая разбитые в кровь носы.

По площади перед трапезной пронесся громовой хохот взвода провинциальных вольноопределяющихся, наблюдавших за сценой с дальних эстакад.

— Глядите-ка, гвардия Двора в сугроб передислоцировалась! — покатывался со смеху Степан Лисицын, поднимая пак когорты с булыжников. — Наверное, тактику подледного лова осваивают!

Дежурный комендант базы, примчавшийся на грохот вместе с патрулем гвардии, ошарашенно посмотрел на барахтающегося в грязи Долгорукого, а затем на Демида и Морозова, которые абсолютно спокойно укладывали сухари в ящик.

— Что здесь происходит?! Кто применил магию?! — рявкнул офицер, вскидывая диагностический кристалл.

Кристалл безопасности пискнул ровным, безвредным серым цветом. Нулевой фон. Никаких эманаций маны. Обычная заготовка хозяйственных дров силами неуклюжих провинциальных студентов.

— Простите великодушно, господин комендант, — Кристина Волкова изящно поправила воротник инженерного мундира, и в её зеленых глазах мелькнула холодная профессиональная снисходительность. — У нашего казака Морозова просто... рука сорвалась во время переноски

инвентаря. Координация движений нарушилась от полярного воздуха. Мы обязательно изучим параграфы техники безопасности к вечернему разводу.

Офицер комендатуры сплюнул под ноги, хмуро посмотрел на вылезающего из сугроба, облепленного грязным снегом Долгорукого и махнул рукой:

— Развели тут балаган... Марш по блиндажам! Чтобы я вас у раздачи больше не видел!

Демид Димидов вернул кепку на голову, и его взгляд снова скрылся в тени козырька. Он развернулся спиной к посрамленному врагу и твердым, размеренным шагом направился в сторону восточного периметра. Алексей Морозов шел рядом, ухмыляясь под нос и насвистывая старый тобольский мотив. Когорта обреченных вновь доказала столичной элите, что уральский удел способен ломать чужую гордыню даже без выплеска скрытой маны Истинного Горнила. Они выиграли эту психологическую стычку на глазах у половины лагеря, укрепив свою автономию и заставив врагов захлебываться собственной желчью перед грядущими Таймырскими битвами.

## Глава 6. Карты полярных глубин

**Возвращение в блиндаж номер восемь вернуло Когорту обреченных в русло сурового тактического расчета. Стальные листы внутренней обшивки каземата, согретые монолитным усилием Истинного Горнила Демиды, больше не исходили изморозью. По полусевастопольским плитам пола лениво струился ровный, густой пар, напитывая воздух запахом канифоли, просмоленной кожи и порохового нагара, исходившего от карабина Морозова.**

Демид сидел во главе массивного дубового стола, подперев подбородок рукой. На его правой руке вороненое кольцо Кристины Волковой тускло, леденяще поблескивало, улавливая малейшие вибрации полярного эфира. После дневной психологической стычки у раздаточного капонира внутренние контуры его Горнила постепенно восстанавливались, всасывая летучую энергию сквозь обсидиановые фильтры пространственного щита.

Дверь бункера со скрежетом разошлась, и в комнату, окутанный клубами морозной пыли, стремительно вошел полковник Разумовский. Начальник тайной канцелярии уезда, тайно прибывший в «Форт-Николай» под видом инспектора министерских грузов снабжения, выглядел бледным. Он молча опустил на стол тяжелый кожаный тубус, запечатанный личной сургучной печатью покойного князя Кирилла.

— Ваше Сиятельство, — Разумовский наклонился к самому уху Демиды, понизив голос до шелеста сухого пергамента. — Известие о разгроме Голема на перегоне дошло до Сената. Граф Петр Карамзин в ярости. Они поняли, что «Черный Иней» не сработал. Полковник Левашов только что утвердил диспозицию на первый этап маневров. Вашей когорте умышленно, по прямому указанию министерских кураторов, нарезан самый гибельный сектор — «Ущелье Ветров».

Кузьма Попов, крутивший в пальцах латунный винт своего «Горна», испуганно вздрогнул:

— Ущелье Ветров? Да про него на лекциях по стратегии говорили, что там магнитные аномалии тундры напрочь выжигают рунные радары! Там ведь даже патрульные дирижабли не летают — левитационные руны обшивки вразнос идут от подземных токов!

— Все верно, Кузьма, — Кристина Волкова решительно шагнула к столу, её зеленые глаза зажглись фанатичным блеском инженера-исследователя. — Нас посылают туда, где мы не сможем вызвать помощь лагерного патруля. Это идеальный полярный гроб, подготовленный Долгорукими. Но они забыли одну деталь.

Девушка ловко сорвала свинцовую печать с тубуса и извлекла наружу плотный, потемневший от времени лист пергамента, покрытый сложнейшей геометрической вязью рун структуры и старинными геодезическими пометками.

— Это личные карты вашего отца, Демид Кириллович, — Кристина развернула чертеж, и над столом мгновенно соткалась слабая, трехмерная голограмма полярных глубин, выстроенная её пространственным даром. — В 1912 году князь Кирилл проводил здесь зачистку Енисейского разлома. И он не просто воевал — он строил. Прямо под Ущельем Ветров, на глубине двадцати саженей, пролегает заброшенная сеть подземных коммуникаций царской гвардии. Тайные штольни, выложенные ровным тесаным гранитом, связывают восточный периметр форта с тыловыми складами полигона.

Коренастый казак Степан Лисицын подошел ближе, прижал широкую ладонь к краю стола и закрыл свои серые очи. Его слабая магия земли, бесполезная в открытом дуэльном поединке, сейчас начала трансформироваться под воздействием тактического гения Демиды. Степан словно кожей почувствовал, как сквозь дубовую древесину и гранитный фундамент блиндажа вниз уходят невидимые, плотные пласты вековой мерзлоты.

— Я чувю этот камень, Ваше Сиятельство, — с азартным придыханием пробасил Степан. — Пространство под ущельем дырявое, как старый валенок. Там пустоты огромные, обледенелые. Если столичные боевики Долгорукого погонят свою когорту по поверхности ущелья, рассчитывая зажать нас в тиски своей ледяной магией первого ранга, мы сможем пройти под их ногами абсолютно незамеченными.

Демид медленно выпрямился, и его карие глаза прямо встретили взгляды соратников. Внутри его солнечного сплетения серебряный вихрь Воздуха и Эфира совершил один плавный, глубокий оборот. Ловушка министерских чиновников, сославших его когорту на гибельную окраину полигона, на глазах превращалась в идеальный, скрытый от лагерного надзора тактический плацдарм.

— Карамзины думают, что Таймыр — это их охотничье угодье, — тихо, со свинцовой жесткостью произнес Демид. — Они уверены, что «пустоцвет» Димидов замерзнет в первой же полярной теснине. Что ж... Пусть думают так. Степан, твоя задача — к полуночи составить точный частотный график вибраций гранитных сводов штолен. Мы должны знать каждый дефект царской кладки. Кристина, подготовь пространственные фракталы для изоляции наших акустических приборов. Кузьма, Алексей — перепроверить затворы карабинов и накопители «Горна».

Юноша натянул глубокий козырек кепки на глаза, поправляя воротник серой шинели:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.